

Наталья Белинская

СВЕТОТЕНЬ

Проза и стихи разных лет

Наталья Белинская

**Светотень. Проза
и стихи разных лет**

«Издательские решения»

Белинская Н.

Светотень. Проза и стихи разных лет / Н. Белинская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961506-0

Отношения между людьми и людьми, людьми и животными, работа, дети...
Жизнь. «Дождь сошел с ума. Первые два дня он буйствовал, как школьник
после сдачи самого сложного и нелюбимого предмета. Потом приустал, уже
сам был не рад, что начал показывать свой характер, но отступить не хотелось.
И он шел, шел уже по инерции, жалкий, неприкаянный, похожий на серую
тощую мокрую кошку»... «Моя любовь гуляет под дождем».

ISBN 978-5-44-961506-0

© Белинская Н.
© Издательские решения

Содержание

ПУТЬ К СЕБЕ	6
Ромашковый дождь	6
Ау, курсанты!	9
С 1 сентября	12
Расставание	14
Предложение	14
Обратная сторона луны	17
На реверсе медали	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Светотень

Проза и стихи разных лет

Наталья Белинская

© Наталья Белинская, 2019

ISBN 978-5-4496-1506-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПУТЬ К СЕБЕ

Ромашковый дождь

Дождь сошел с ума. Первые два дня он буйствовал, как школьник после сдачи самого сложного и нелюбимого предмета. Потом приустал, уже сам был не рад, что начал показывать свой характер, но отступать не хотелось. И он шел, шел уже по инерции, жалкий, неприкаянный, похожий на серую тощую мокрую кошку.

Я не сердилась на дождь. Я понимала его, но радости это ни мне, ни ему не приносило. Мы оба были одиноки и упрямы, и замкнуты в своем одиночестве, а общего, что объединило бы нас, не находилось. Да мы, в общем-то, и не искали: каждый существовал сам по себе и даже, сквозь тоску, неудовлетворенность и жалость, чуть-чуть любовался собой.

Писем не было уже двенадцатый день. И эта последняя фраза: «Я очень верю тебе. Даже больше, чем себе самому». И дождь, и срочный перевод с немецкого, который я знаю на уровне «хенде хох»... Как обычно – все неприятности сразу.

На улице, посреди тротуара, стоял парень. Все прохожие бежали под зонтами, зябко вздрагивая, нахолодившись, а он был даже без плаща. Стоял, засунув руки в карманы, крепко упершись ногами в тротуар. Казалось, что находиться под дождем для него так же естественно, как растворяться в лучах солнца, нырять на большую глубину, с разбегу бросаться в сугроб пушистого и теплого снега. Он не пытался спрятаться под деревом, не отряхивал перышки, не прятал голову под крыло, а держал ее высоко. И это было красиво.

Ждал кого-то? Возможно. Но точно не меня. А жаль.

А потом я встретила Ромашку. Странно: мы живем в одном городе, в соседних районах, а видимся так редко. Вспоминаю я о нем довольно часто, но встречаю всегда неожиданно, а после мы опять расстаемся, и на прощание он говорит: «Ну что, опять на год?». А я отвечаю: «Ты не пропадай, хоть иногда звони». – «Обязательно. Ты тоже».

И всё. До следующего года.

Ромашкой мы звали его еще в школе. Это было производным не от фамилии, а от имени – Роман. Никакого сходства ни с каким цветком в его крепкой фигуре и крупных чертах лица не прослеживалось, но когда я увидела его, новичка, первого сентября в девятом классе, он почему-то напомнил мне одуванчик. У него были прекрасные золотисто-русые волосы (теперь они сильно потемнели); не стриженные все лето пушистые кольца падали до бровей, закрывали шею, отражали солнце и буйствовали... Но сам парень не был красив. Очень широкие плечи скрадывали довольно высокий рост, а массивные очки утяжеляли лицо. Глаза его я разглядела гораздо позже. Как и волосы, они были удивительными: от темно-синих до ярко-зеленых, в зависимости от освещения и настроения. А иногда – свинцово-серые. Но тогда я не могла в них смотреть.

И еще – губы. На четком, уже сформировавшемся лице – нежные, пухлые, розовые. При первом взгляде на них у меня мелькнула странная мысль: наверное, если он поцелует девушку, ему будет больно.

Он привлекал меня – нестандартностью и одаренностью. Отлично знал химию (я же в ней не разбиралась никогда); мог справиться со сложнейшей задачей по математике и не решить самую простую, если она казалась ему неинтересной. Когда пришел в наш класс, делал до сорока ошибок в диктантах, очень много и бессистемно читал, но поэзию всерьез не воспринимал. А школу окончил с пятеркой по русскому (это у нашей-то уникальной русички!), с огромным уважением к стихам и с любимым поэтом, Есениным – не «гулякой и скандалистом», а страдающим и любящим человеком. Ромка отлично рисовал – это было у него таким же средством самовыражения, как речь. Но он сам даже не подозревал, как хорошо у него это получается. Бросал все, что давалось ему легко. И я думаю, что от своего плаванья (в 14 лет – кандидат в мастера) он отказался именно поэтому, а не из-за нехватки времени.

Ромашка нравился мне тогда. Но в параллельном классе училась девочка, высокая, стройная и длинноногая, с дразнящей улыбкой и способностью принимать внимание окружающих как должное. Правда, встречались они недолго, но я запретила себе думать о нем. Он был просто парнем из нашего класса – и всё. И отношения у нас после школы сохранились самые дружеские.

А с тех пор уже столько изменилось... Больше, правда, у меня, чем у него.

И вот теперь мы встретились опять, под вечным, как время, дождем. Я не имею привычки обмениваться рукопожатиями, но с ним здороваюсь за руку всегда. У него очень надежная ладонь – теплая, сильная, просторная. Ей веришь, как тросу на подвесной дороге, и чувствуешь себя лучше уже оттого, что кто-то так открыто протягивает тебе руку.

А потом мы разговаривали. С ним было очень легко говорить обо всем. Только один вопрос мы усердно обходили: я не рассказываю о себе, он – о себе. О работе, учебе, планах – пожалуйста. Только не о самом больном...

Сначала мы стояли в глубокой зеленой луже, а потом, когда заметили, что вокруг наших ног уже начали виться водоросли и поквакивать лягушки, засмеялись и пошли куда-то. Сперва он проводил меня, потом – я его, а дождь тоже шел с нами и, как равный, участвовал в разговоре.

Ромка: – Знаешь, Инна вышла замуж.

Я: – Да, мне очень нравится этот парень.

Дождь: – Так-так-так.

Ромашка: – А помнишь, как мы танцевали на свадьбе у Ирины?

Я: – Мы с тобой танцевали первый раз в жизни – за столько лет знакомства!

Дождь: – Ш-ш-ш...

Я: – А помнишь, какие стихи ты мне тогда читал?

Ромка: – «Карие глаза – песок. Осень, волчья степь, охота. Скачка, вся на волосок от паденья и полета»... И в тебя влюбился мой друг.

Дождь: – Лучше бы вам не встречаться сегодня...

Мы помолчали.

А потом Ромка почему-то начал перебирать варианты моего имени.

– Наташа – это нейтрально. Однокурсница, соседка, родственница. Натка – хороший друг, свой парень. Наточка – существо любимое и балуемое. А Натали – желанная, но недостижимая. Думаю, муж называет тебя Натка.

– С чего ты так решил?

– Я знаю твоего мужа.

И тут Роман вспомнил, что опаздывает на переговорный пункт, и, уже убегая, все никак не мог выпустить мою руку и говорил:

– Ну что, опять на год?

– Ну почему ты не звонишь? Ведь обещал же!

– Буду, Натали, буду. Ты тоже!

И разбежались.

Я шла по городу, пронизанному живым дождем, скрытым солнцем, дурманящим ароматом лета и ожидания... Нам с дождем было хорошо.

Июнь 1977 г.

Он все-таки добился своего – стал прекрасным детским хирургом.

Умер от рака в 33 года. Через десять лет после этой – последней – нашей встречи.

Февраль 1988 г.

Ау, курсанты!

Армия – сложная штука. Есть люди, которые по природе с ней несовместимы. То есть при необходимости они идут на срочную службу – и часто служат хорошо, но, как только появляется возможность, уходят «на гражданку» и вспоминают свое пребывание в Вооруженных Силах как страшный или пустой сон. А есть вроде совсем «нестроевые» – а в армии приживаются и остаются там, даже если раньше никогда о военной карьере не помышляли. Так же дела обстоят и в кадровых войсках, и даже в военных училищах. Хотя ничего удивительного в этом нет: одно дело – мечтать «о доблести, о подвигах, о славе», другое – чувствовать себя винтиком огромного сложного механизма, которому совершенно все равно, какой ты необычный и замечательный.

Вскоре после окончания университета я стала преподавателем литературы одного из Высших военно-политических училищ. В начале этой славной деятельности многие курсанты были старше меня, часть уже прошла срочную службу, кое-кто успел побывать в Афгане. Аудитория чисто мужская. Внешне я вообще никогда солидностью не отличалась, так что приходилось проявлять определенную строгость. В сочетании с моей тогдашней наивностью получалась гремучая смесь.

Вот начинается лекция (большой наклонный зал, 200 человек, из-за кафедры, где я стою, виднеются только очки и макушка); проходит несколько минут – и в дверях появляется парочка опоздавших.

Я (строго):

– Почему опаздываете?

Они (с готовностью поделиться со мной возмутительным фактом форсмажорных обстоятельств, препятствующих их своевременному появлению на занятиях):

– Мы на лекцию бежали, а нас по дороге командир взвода задержал!

Любой нормальный преподаватель, знающий правила игры, погрозил бы опоздавших пальцем и пообещав в следующий раз поставить в угол, оставил бы их в покое (если это не повторяется постоянно). Но я искренне возмущаюсь препонами, воздвигаемыми офицером на пути его подопечных к знаниям! Сажая парней на место, а после лекции звоню в роту и сурово сообщаю комвзвода, что он не должен будет удивляться низкой успеваемости во введенном ему подразделении, если сам пытается потушить свет люющей в головы курсантов мудрости. Комвзвода несколько неадекватно, как мне кажется, воспринимает эту информацию и начинает «на всякий случай» уточнять, кого именно он сегодня тормозил на важном пути к сокровищнице мировой литературы. Я же, удивляясь склерозу совсем еще молодого человека, напоминаю ему фамилии «заторможенных».

На следующей лекции очередная группка опоздавших сообщает, что их хотел отправить на какие-то срочные работы командир роты, а они еле отпросились на самое важное занятие – литературу. Я говорю, что правильно сделали, но вообще с такими опозданиями нужно заканчивать. Они, приняв это пожелание на свой счет, с готовностью соглашаются, а я, имея в виду офицеров, на перемене опять звоню в роту и сообщаю ее командиру о том, что недопустимо

загружать курсантов дополнительной работой в учебное время. Командир роты, очевидно, тоже страдающий склерозом, начинает осторожно уточнять, кого именно он сегодня пытался не допустить к светочу высшего образования. Так повторялось несколько раз. Я продолжала искренне считать, что в опозданиях виноваты офицеры. Замечала, что курсанты, «защищенные» мной перед взводным и ротным командирами, все дальнейшее время учебы являлись ко мне на занятия еще до окончания перемены, но так и не поняла, что это было следствием не осознания командирами важности учебного процесса, а наказания моих разгильдяев за вранье.

Когда в очередной раз я спросила парочку опоздавших о причине их прибытия на занятие после звонка, они честно ответили: курили на улице, пока добежали – лекция началась. И только через несколько месяцев, во внеучебное время, на мой прямой вопрос, почему я больше не слышу уважительных причин опозданий, связанных с сатрапами-офицерами, последовал прямой ответ: «Вам врать не имеет смысла – вы всему верите и потом действуете так, как будто это правда. А нам от этого – сплошные неприятности».

Благодаря наладившейся дисциплине интерес к литературе поднялся на небывалую высоту – вплоть до того, что мы даже начали выкраивать время на какие-то дополнительные мероприятия культурно-познавательного характера. По моей с командирами договоренности участвующих в них освобождали от дополнительных работ в роте, поэтому внезапное и бурное желание быть задействованными на подобных вечерах появлялось даже у людей, которые вряд ли читали что-то более высокохудожественное, чем свою характеристику при выпуске из школы. И когда на мое обещание принести аудиозаписи сонетов Шекспира последовал вопрос одного из таких новообращенных «знатоков»: «В исполнении автора?», стены аудитории буквально пошатнулись от хохота его товарищей, присутствовавший тут же командир взвода схватился за правый бок и сообщил, что у него сейчас будет «инфаркт сердца», а я подумала, что нужно взять этого любознательного в «инициативную группу»: если задает вопросы – уже не безнадежен.

Но близился экзамен по очень обширному материалу: литература XX века – и зарубежная, и отечественная. Это не та дисциплина, к которой можно подготовиться за одну ночь, запомнив ряд формул или вызубрив несколько сотен слов и грамматических правил. Без прочтения включенных в программу произведений сдать такой экзамен было практически невозможно, а ответы типа «в романе „Война и мир“ мне больше всего понравилась четвертая серия» не проходили.

Экзамены сдавались повзводно, и для объективности присутствовали на них, кроме курсантов и преподавателя, который вел дисциплину, второй преподаватель – такой же предметник, но работающий в других ротах, – и

командир взвода. Конечно, мы все понимали, что бывают обстоятельства, не дающие систематически читать, что армия есть армия, что для кого-то и две книги осилить – огромный подвиг, но... взялся за гуж – не говори, что не дюж.

Однако сердце не камень, и, когда застенчивый мальчик в военной форме, с длинными пушистыми

ресницами и детским еще румянцем на бархатистых щеках, не выдержал грозных офицерских взглядов и совсем запутался, рассказывая про раннее творчество Маяковского, моя коллега, умница, доцент, не выдержала и начала помогать курсанту назвать хотя бы самую крупную вещь того периода – «Облако в штанах»:

– Ну вспомните, Маяковский что-нибудь до Октябрьской революции писал?

– Писал, наверное...

– Правильно, молодец! А если он был поэт, то что он писал?

– Стихи...

– А еще что поэты пишут?

– Ну... поэмы.

– Вот вы почти уже и ответили! Осталось только название! Я уверена, что вы знаете! Я вам немножко помогу. Что-то там «...в штанах». Так что, что у Маяковского было «в штанах»?

Однако здесь коллега дала маху: очевидно, надо было начинать подсказку с первой части названия. Вместо того чтобы, радостно хлопнув себя по лбу, возопить: «Конечно же, облако!», курсант покраснел еще больше и, уже не взирая на мимику командира и пантомимику своих собратьев по несчастью, изображавших руками нечто аморфное и столь огромное, что не то что в штаны, а ни в какие ворота не лезло, ответил голосом, в котором отразилось крушение самых романтических идеалов:

– Дина Ивановна, от вас я такого не ожидал!

Вот это была немая сцена! Гоголь бы позавидовал...

Давно нет того училища, нет той страны, и мальчишки те уже не просто взрослые, но солидные немолодые люди. И я очень надеюсь, что все они живы, и всё у них, в конце концов, как-то сложилось, и не сломались они, и одолели Толстого и Маяковского, и вспоминают те годы с улыбкой и благодарностью – как я вспоминаю училище, где становилась преподавателем, и своих коллег, военных и гражданских, и замечательных курсантов.

Удачи вам, ребята!

23 февраля 2012 г.

С 1 сентября

Каждый год не дает мне покоя эта дата...

Как ни странно, я всегда любила 1 сентября. Может быть, потому, что у нас была очень хорошая школа, а класс – просто замечательный. Дело даже не только в том, что нам повезло с составом учителей. Да, они хорошо учили нас, выходя за рамки школьной программы, нагружая по максимуму и умея заинтересовать, но при этом они нас еще и воспитывали. Не поверите, но чаще всего – отношением к своей работе, то есть к нам и к предмету. Нас никогда не унижали, однако при этом были и определенные рамки, за которые не вышел бы ни один, самый отъявленный, хулиган: кого-то из учителей можно было любить, кого-то – не любить, но уважение к людям, которые учат, было неизменно.

В основном, конечно, преподавали у нас женщины, причем с возрастом я все больше понимаю, насколько по-настоящему интеллигентны и выдержаны они были. За все время учебы не помню ни одного срыва с их стороны, ни одного громкого скандала, хотя подростки есть подростки и устраивали мы всякое. Мужчин, не считая физкультурника и трудовика, было двое: наш «англичанин», отнюдь не педант, а человек нрава ровного и легкого, и физик. Последний выделялся среди учителей тем, что был и постарше большинства (он никогда об этом не рассказывал, но мы откуда-то знали, что он успел повоевать), и попроще, и речь его не блистала сложными литературными оборотами. Позволяли мы себе над ним подшучивать, но почему-то после окончания школы я вспоминаю о нем с особенной теплотой.

Его звали Александр Николаевич, а за глаза – Шурик. Он начал читать у нас физику в восьмом классе, и было ему тогда, думаю, максимум лет сорок пять. Среднего роста, довольно коренастый, круглое лицо, вздернутый нос, русые вьющиеся волосы, подстриженные под «полубокс», неизменно падающая на лоб прядь – единственная седая. Чем дальше уносятся меня годы от школы, тем больше он кажется мне человеком сороковых годов, которого перенесли сразу в шестидесятые. Но это был образец хорошего человека, хотя он и казался нам, пятнадцати-шестнадцатилетним умникам, наивным и забавным. Он говорил «Парыж» и «Барсылона», и у него были отработаны поэтапные «заклинания» для воспитательной работы с любителями поболтать на уроке:

Ишь, вселся там на задней парте и сиить, болтаить!

Входи соттуда наперед!

Ты мне уже надоел! Входи сотсюда совсем!

Правда, до выставления из класса дело доходило очень редко, потому что болтун тут же раскаивался, а добродушный Шурик верил его ритуальному «Александр Николаевич, последний раз!».

Он никогда не говорил о долге, чести, совести и т.д., что периодически делали многие другие, но при этом ни разу не поставил ни одной оценки из-за личной симпатии или антипатии. У него не было любимых и нелюбимых учеников. За отличный ответ Шурик, ни секунды ни колеблясь, ставил «5» злейшему нарушителю дисциплины, а за нытье у доски – «3» патентованному отличнику, включая детей его коллег-учителей. Учиться у него было действительно нелегко (у меня такое впечатление, что он был скорее хорошим инженером, чем педагогом, и попал в школу просто в силу жизненных обстоятельств), но зато справедливо.

Честно скажу: я не люблю и не понимаю физику. Но в старших классах упорно решала задачи и пыталась вникнуть в эти странные законы механики и прочего электричества просто потому, что не хотела видеть откровенного разочарования бесхитростного нашего физика.

Шурик оставался сам собой даже в самые последние, решающие дни выпускных экзаменов: сияющий, добродушный и принципиальный. На выпускном он немного выпил, и путал вальс со стулом («Приглашаю вас на стул! То есть, тьфу, на вальс!»), и чмокал наших девочек. И они, ироничные красавицы и вообразили-интеллектуалки, даже не хихикали над его довоенной манерой танцевать: он был слишком настоящим, чтобы казаться смешным.

Он единственный из учителей умудрился не сфотографироваться для нашего выпускного альбома. Сказал: «Будете вспоминать – хорошо, а нет – и фотография не поможет».

Вот, Александр Николаевич, помню.

1 сентября 2012 г.

Расставание

Предложение

Посвящается осени

– Вот ты говоришь – возраст, – вздохнула Тала, подтянутая брюнетка лет пятидесяти, отпивая чай. – А на самом деле ничего не важно: ни возраст, ни внешность, ни характер. Как судьба повернет...

Ольга, кругленькая и хорошенькая, несмотря на свой постбальзаковский статус, вся в рыжих кудрях и аппетитных ямочках, вопросительно взглянула на подругу:

– Неважно? Только почему-то все хотят выглядеть моложе! А уж дамы наших лет вообще ни на что не надеются. Мужчины еще хорохорятся, но больше для вида.

– Помнишь, я в конце девяностых первый раз у сестры в Израиле гостила? – продолжала ее собеседница. – Она тогда сама меньше года там жила, и у нее как раз случился очень яркий роман.

– Да, про роман ты мне говорила. Но Татьяна-то еще совсем молодая тогда была, я ведь ее перед отъездом видела!

– Она только так выглядела, – усмехнулась Тала. – Сама считай: ее старшей дочке в то время двадцать три исполнилось. А кавалеру вообще уже к шестидесяти подкатывало – он на пятнадцать лет старше Танюши был. Однако внешне очень интересный мужик. Невысокого роста, но фигура атлета, черные волосы с сединой, серо-синие глаза, лепные черты лица... А походка такая легкая – как

будто на землю только для порядка ступал, чтобы не летать на виду у изумленной публики...

– Ничего себе! – хихикнула Оля. – Так ты сама на него глаз положила!

– Наоборот, я к нему сразу настороженно отнеслась, хотя старалась не показывать. – Тала отодвинула пустую чашку и откинулась на спинку кресла. – Мне было непонятно, что у них общего. И все ее друзья чуть в обморок не падали, когда с ним познакомились. Дело даже не в разнице в возрасте – это ладно. Что ее могло в нем привлечь? Внешность? Но Тане никогда не нравились красавцы. Правда, она говорила, что, когда с ним познакомилась, он смахивал на пожилого волка-одиночку, а не на Аполлона.

– Так она его пожалела и приручила? – догадалась Ольга, сосредоточенно жевавшая конфету.

– Да нет, она в этом плане иллюзий не строила. Понимала, что он слишком долго жил один. – Тала на секунду прикрыла глаза и продолжала: – Но тогда он действительно что угодно сделал бы, чтобы остаться с ней: влюбился «в полный рост», по его выражению.

– Так что тебе не понравилось? – недоумевала Оля. – Радоваться надо было, что она кого-то нашла! У нее ведь семья – просто пунктик какой-то! А пришлось развестись, и потом столько лет была одна, хотя и умница, и симпатичная такая, и по дому всё может, и вообще не скандальная...

– Вот я и говорю: все это – не главное, – вздохнула Тала. – Я за нее радовалась, но боялась очень, что она привяжется, а потом опять все рассыплется – и ей еще хуже будет.

– Ты мне тогда деталей не рассказывала. Сказала, что она нашла кого-то, – и всё. А почему должно было рассыпаться? – Лицо Ольги выражало искренний интерес.

– Ну смотри: она со своими двумя высшими – и он с горным техникумом; она к четырнадцати годам всю мировую классику перечитала, а он Булгакова взял в руки – и очень потом ругался, потому что «там всё выдумки»; она в жизни ни одного непечатного слова не сказала – а он, по-моему, с удовольствием бы только на мате и разговаривал. Правда, при нас за языком следил... А как он ее ревновал! Отелло отдыхает!

– А чего она вообще с таким связалась? – не выдержала Оля. – Я думала, что мужчина приличный и что у нее все хорошо.

– Хорошо – не то слово, – кивнула Тала. – Я ее такой счастливой вообще, по-моему, раньше не видела. Наверное, по принципу «любовь зла». Понимаешь, они жили просто в коконе счастья. Это было сразу видно, и так открыто, что мне иногда не по себе становилось. Все наружу, никакой защиты. Все время за руки держались. Меня это с ним тогда и примирило: я сначала думала, что он только себя любить может, а присмотрелась – вроде нет...

– И где они умудрились познакомиться? – Оля пыталась сложить всю картину.

– В улыпане. Это курсы изучения иврита, туда всех направляют, кто приезжает жить в Израиль. – Тала сделала небольшую паузу и продолжила: – Вообще там какая-то мистика вмешалась, хотя ты меня знаешь, я в эти штуки не верю. Представляешь, оказалось, что они из одного города, прилетели с разницей в один день, поселились в одном и том же районе, квартиры сняли в соседних домах и учиться попали в одну группу... Начали вместе жить уже через два месяца.

– Так они поженились? – оживилась Оля.

– Официально – нет. Хотя он при мне ей сделал предложение, – усмехнулась Тала.

– Это как? Она отказалась? Только с подробностями! – Оля поерзала на диване, устраиваясь поудобнее, подтянула под себя ноги и даже рот приоткрыла, чтобы не упустить ни слова.

– Произошло это при мне. Жаль, ты там не была, не знаешь, какая там осень. Ладно, попробую... – Тала потянулась, чтобы включить стоящий рядом с креслом торшер, поскольку тусклый свет с улицы не мог прогнать выползающий из углов сырой сумрак, но передумала и негромко продолжила: – Представь синее-синее небо – аж глаза ломит и в ушах звенит. На нем – солнце, огромное, разноцветное... В центре оно почти белое, потом – золотое, как на картинках, а потом смешивается с голубым и делает его тоже золотистым, но с бирюзовым отливом. И вот это белое, золотистое, голубое накрывает зелень улиц, цветущие деревья

и кусты, разноцветную толпу – и обнимает всех вместе и каждого по отдельности. Кожа солнцем пропитывается. Нагретой травой пахнет. Зноя уже нет, но так тепло, хорошо – и кажется, что дышишь светом и пробуешь его на вкус... Это я специально так расписываю, чтобы ты ощутила атмосферу, – пояснила она, возвращая к действительности погружившуюся в грезы подругу. – И в такой день мы втроем – Таня, ее Аркадич и я – стоим в центре Тель-Авива и ловим такси, чтобы съездить к нашим общим друзьям. Они еще раньше эмигрировали, я их тоже давно не видела.

– Ну ничего себе иммигранты живут! – не выдержала Оля. – Я так понимаю, что они еще не работали тогда? И вы на такси раскатывали?

– Это, конечно, не каждый день было, – уточнила Тала. – Но мы бы иначе никуда не попали: ехать пришлось в выходной, когда не было занятий, а в Израиле в субботу общественный транспорт практически не ходит.

– Что за страна! – возмутилась Ольга. – Рабочая неделя начинается в воскресенье, а в единственный выходной транспорт не ходит! Как там люди живут?

– Хорошо живут, не волнуйся, – успокоила ее Тала. – По крайней мере, нескучно – точно... В общем, сели мы в такси, а водитель попался русскоязычный. И Аркадич, из которого счастье бьет фонтаном, тут же начинает с таксистом общаться. Про зарплату спрашивает, где лучше работу искать, в каком месте жилье снимать. Водитель отвечает, что это от многого зависит – и от специальности, и от возраста, и от того, какая семья. Тут наш кавалер и сообщает: «Я вообще один приехал, но вот подумал – и решил жениться». Шофер ему – мол, дело хорошее, а невеста-то согласна? «А я ей еще не сообщал, – выдает этот оригинал, – но, думаю, теперь она в курсе. Вот сейчас и выясним, согласна или нет. Татьяна, дай свой положительный ответ!». Танька вообще онемела – она терпеть не может демонстративных жестов, и растерялась, конечно... Но потом как-то к шутке свела, типа того, что в субботу не регистрируют...

– Юморист, значит... – нахмурила светлые бровки Ольга. – Так а не поженились почему?

– Сначала денег не было, а потом он уже предложения не повторял.

– Деньги! – фыркнула рыжая. – В таком-то возрасте могли бы и без пышной свадьбы обойтись!

– Оль, дело не в свадьбе. Понимаешь, там нельзя просто подать в загс заявление и расписаться. Официально можно заключать брак только по религиозным правилам, через раввинат. А у раввинов свои условия. Процедура сложная, муторная, а кто не хочет или не может ее пройти, должен ехать жениться за границу. Это недешево, – терпеливо объяснила брюнетка.

– Час от часу не легче! – всплеснула руками Оля. – Но, в принципе, это не так уж важно. Главное, что у них семья.

– Я тоже так считала, – кивнула Тала. – Тем более, что они столько вместе перенесли: новая страна, незнакомый язык, поиски работы, съемные квартиры... Ему, правда, легче было – он уже по возрасту получал пенсию, так что хотел – подрабатывал, а не хотел – на диване валялся. У нее тем временем дочки замуж вышли, внуки родились... Ее мама умерла – он ее поддерживал, у него инфаркт был – она его вытаскивала... И ведь не молодели оба, а он так

вообще стал на коlobка похож, куда танцевальная походка делась... По всем признакам – пора успокоиться. И когда все привыкли к мысли, что эта пара – уже навсегда... – Тала глубоко вздохнула и на выдохе закончила: – Они расстались.

– Как расстались? – подалась вперед Ольга. – Ты мне не говорила!

– Да как-то к слову не пришлось, – пожалала плечами Тала. – И потом, было бы что-то хорошее – сказала бы, а неприятностей у тебя и самой хватает.

Женщина все-таки включила лампу, и резкий электрический свет, перекрыв неопределенный дневной, как бы подчеркнул, что пора взглянуть на факты трезво.

– Но почему? Когда? – Вопросы теснились у Оли на языке, но вырвалось самое главное: – Старый козел!

– Да, немолодой, – кивнула ее подруга. – Они прожили десять лет, ему, по-моему, семьдесят стукнуло, когда он ушел. Причем к даме, которая была не просто гораздо старше моей сестры, но к такой... очень громкой, властной, скандальной, стервозной, – в общем, Танечка с точностью до наоборот. Израиль – маленькая страна. Сразу нашлись общие знакомые, которые много чего интересного о новой пассии рассказали. Кстати, с ней он совсем недолго выдержал.

Очки грозили свалиться с Олиного носика, но она уже не обращала внимания на такие мелочи.

– Так что, просто пришел и сказал: «Я ухожу?».

– Всё получилось гораздо хуже. – Тала засмотрелась в окно, в которое с нудной настойчивостью стучался мелкий, серый, скучный, но очень упорный дождь. – У Аркадича какие-то деньги были, он выделял свою долю на оплату квартиры, а остальное тратил на себя: экскурсии, поездки, отдых на море... А Тане все время приходилось работать, она ведь и детям старалась помочь, потому что они тогда как раз квартиры купили, машины, своих детей родили, а зарабатывали еще немного. Ездить с ним она не могла, но ему не препятствовала. И вот, когда Аркадич очередной раз отдыхал на море якобы «со знакомыми», его новая пассия взяла и с его мобильного Танюше позвонила. Как бы нечаянно нажала на прямой вызов, причем они в это время в постели были. У сестры слух хороший, она сначала

аллокала, потом прислушалась... Дальше можно было уже ничего не объяснять, хотя он потом перезвонил и пытался говорить, что она все неправильно поняла. Но номер не прошел, и гад заявил, что, раз уж Таня все знает, он уходит к своей престарелой страсти. Вот и пойми – почему... А ты говоришь – возраст...

И женщины, задумавшись, замолчали.

Обратная сторона луны

– Как ты удачно приехала! – радовалась Татьяна, привычным жестом смахивая со лба пушистые пепельные прядки. – Рош-а-шана и выходные подряд, четыре дня! Будем сидеть и разговаривать, гулять и разговаривать, в гости ездить...

– И разговаривать! – засмеялась Тала.

Первая суматоха встречи уже прошла, и теперь они сидели на балконе, на уютном двухместном диванчике, за журнальным столиком, уставленном фруктами, соками, минеральной водой, легким местным вином и разнообразными вкусностями, от рахат-лукума, покрытого инеем сахарной пудры снаружи и медово-золотистого на изломе, с вкраплениями цукатов, как мушек в янтаре, благоухающего лимоном и розами, до зефира – воздушного, невесомого и круглого, как и полагается в застолье на Рош-а-шана, еврейский новый год: чем больше круглого на столе, тем лучше. Тут же стояли и блюдечки с медом, в который, по традиции, нужно обмакивать дольки яблок, чтобы год был «хорошим и сладким». К вечеру палящий зной спал, на крыльях сумерек прилетел сентябрьский ветерок, и лучшее место для беседы соскучившихся друг по другу сестер трудно было найти.

– Кстати, о гостях, – вспомнила Татьяна. – Тут на днях Аркадич собирался явиться. На Украину ездил, какие-то подарки мне привез. Хочет отдать. Но я сказала, что буду очень занята. Надеюсь, ты не слишком горела желанием с ним повидаться?

– Вообще-то горела, – нахмурилась Тала. – У меня ведь так и не было возможности высказать ему, что я о нем думаю, а язык чешется. Хотя, вероятно, и к лучшему: я знаю, что ты бы переживала. А как у него вообще совести хватает сюда напрашиваться?

Или вернуться хочет?

– Не знаю... – Татьяна отвернулась, ища что-то на столе, а потом придвинула к сестре блюдо с виноградом и персиками, стоявшее и так на самом виду. – Не имеет значения. Он никогда этого не предложит, а если и предложит, я не соглашусь.

– Танюша, почему? – осторожно спросила Тала. – Ты ведь говорила, что он постоянно звонит, мурлычет ангельским голосом, всеми твоими делами интересуется, помощь предлагает...

Открытое круглое лицо Тани, с высокими скулами, курносый носом и изящным подбородком, стало замкнутым; резче обозначились две параллельные морщинки между широкими темными бровями.

– Я много думала о том, почему он ушел. Ты меня знаешь: я всегда ищу причину в себе. А кто ищет, тот, конечно, найдет. Ну, со мной понятно, я все равно иначе не могла. А вот одно из обстоятельств, которые имели для него большое значение, я понимаю хорошо. – И, отвечая на вопросительный взгляд сестры, продолжала: – Я тебе рассказывала: когда я его увидела впервые на улице – мы шли в одну сторону и еще не знали, что будем учиться вместе, – он был похож на потрепанного, но не сдавшегося волка-одиночку. Со временем это впечатление потускнело, он одомашнился, отъелся, стал выглядеть довольным и сытым, и у меня даже появилась мысль, что, может, то был не волк, а большая потерявшаяся собака... Но нет. Оказалось, что не собака точно. Скорее, лощеный кот, который всегда гуляет сам по себе и подстраивает окружающий мир под свои желания.

– Скорее, старый кобель, – проворчала себе под нос возмущенная Тала, но Татьяна пропустила эту реплику мимо ушей.

– Так вот, его очень тяготила необходимость жить на съемных квартирах, не говоря уж о том, что это достаточно дорого. К концу нашего совместного существования подрабатывать он совсем не хотел, и я сама уговаривала его не перетруждаться: как же, у Лёньчика был инфаркт, его надо беречь! Тем более что денег у него на то время было вполне достаточно: он начал ежемесячно получать компенсацию из Германии...

– Это за что? – холодным тоном поинтересовалась Тала. – Ему во время войны года три-четыре было. С горшком на фронт убежал?

– Он жил с матерью на оккупированной территории и поэтому считается жертвой фашизма. Но я сейчас не об этом. Лёньчик несколько раз заговаривал со мной о том, что хорошо бы получить социальное жилье, но, как ты понимаешь, мне это даже сейчас не светит, потому что его пенсионерам дают, а тогда и речи не было. На мои вопросы, как он себе это представляет, он говорил, что рассуждает теоретически. Но теория быстро превратилась в практику. Уже уходя, он сообщил мне, что получил-таки однокомнатную квартиру как льготник. Платить за нее нужно чисто номинально, дается она пожизненно. Таким образом, он убивал двух зайцев сразу: не нужно было больше переезжать и от кого-то зависеть, и при этом экономилась большая сумма на квартплате и коммунальных услугах. Но, как ты помнишь, мы жили тогда в Тель-Авиве, где в очереди на такое жилье нужно было стоять минимум лет десять. Поэтому он сделал еще один ход конем: согласился переехать в какую-то дыру на самом севере страны, где очереди не было, но именно в том городке обитала его новая пассия. Удобно: хотел – жил у нее, ссорились – уходил к себе. Правда, они расстались несколько лет назад, но для него это выразилось только в том, что он свои чемоданы окончательно сосредоточил в одном месте – в своей новой квартире. Он теперь живет действительно так, как, наверное, мечтал всегда, и этот образ жизни ни на что не променяет. Я понимаю, чего бы он хотел: бывать у меня наездами, как на курорте, а потом, как только надоест, возвращаться к себе. Но ты знаешь: у меня пунктик – семья, то есть забота друг о друге, надежность, тепло... Уверенность в том, что тебя никогда не предадут. Я ведь и влюбилась в Лёньчика окончательно после одной его фразы: «Я хочу жить с тобой, любить тебя, заботиться о тебе»... И взгляд, как у нашего папы был: одновременно бесшабашный и сосредоточенный, твердый. И ладонь – теплая, сухая, очень сильная, прикасающаяся так бережно... Ни один мужчина никогда не говорил, что хочет обо мне заботиться. Это моя несбывшаяся мечта. Наверное, уже и не сбудется. Но если выбирать из двух зол, то лучше одной, чем с таким... визитером.

Тала молча налила в бокалы вино.

– Лехаим! – произнесла Таня.

– За жизнь! – повторила по-русски ее сестра.

Они чокнулись и отпили по глотку терпкой концентрированной энергии солнца, мерцающей в хрустальных бокалах в свете уже взошедшей луны. Тала закурила и протянула пачку Татьяне, но та отрицательно покачала головой.

– Так и не курю. Уже пять лет, – сказала она, – хотя иногда очень хочется. Но раньше думала: раз могу обходиться, значит, надо терпеть, а сейчас глупо начинать после такого перерыва.

– Я помню, ты говорила, что бросила после его ухода. Не понимаю, как ты смогла. Ты ведь начала во взрослом возрасте, не в юности, а это уже не баловство. И потом все время курила. И прекратить сразу, без всякой подготовки, причем в стрессовой ситуации? По-моему, невозможно.

– Не совсем так. – Вместо сигареты Таня взяла шесек, или, как в шутку называют этот сочный фрукт русскоязычные жители Израиля, «шизик» (хотя, наверное, логичнее было бы обозначать его тем именем, под которым он известен на Кавказе, – мушмула). – Ты не представляешь, что со мной творилось, когда он ушел. Я ведь так и не поумнела за всю жизнь и верю всему, что мне сообщают, – если не вижу явных доказательств того, что это ложь. Говорит человек, что едет отдыхать с какими-то знакомыми, – значит, так оно и есть. У Аркадича действительно водились приятели, которых я в глаза не видела, потому что он вечерами по клубам ходил, всякие развлекательные мероприятия посещал, и выпадали они почему-то именно на те вечера, когда я получала самые большие и сложные заказы. И спасибо, что получала и что эти заказы оплачивали, иначе я после его ухода сразу оказалась бы на улице: одна бы съем квартиры не потянула. Представляешь – он уходит, а мне с завтрашнего дня платить одной, то есть в два раза больше, без всякого предупреждения и без резерва? Да и до ухода... Он отдавал свою часть за квартиру и за питание – и всё. А мне на что жить, если не работать?

– Честно говоря, я до сих пор не представляю, как тебе удалось найти свою нишу, – задумчиво проговорила Тала. – Ты ведь никогда в жизни не занималась дизайном сайтов. Да и компьютера ни дома, ни на работе у тебя не было – вы-то в своей редакции до твоего отъезда еще без компьютеров работали. И в сорок пять лет начать сначала, работать годами по шестнадцать часов в сутки, все освоить, искать заказчиков и обеспечивать себя таким образом... Не знаю.

– Вот это как раз еще одна причина, по которой он ушел. Я не могла составить ему компанию в том, чтобы «делать жизнь», как говорят на иврите, а попросту – развлекаться всеми способами. Ему-то не нужно было ничем особым заниматься и ни о ком заботиться: из родственников – двое взрослых детей и внук, все со своими семьями, все живут на Украине и знать его не хотят. Вспоминают о родстве, только когда он с деньгами в гости приезжает, в остальное время даже не интересуются, жив ли. А я, во-первых, не могла оставить маму – ты знаешь, в каком она была состоянии, – а во-вторых, мне нужно было работать. У него хоть пенсия была и льготы, а у меня первоначально – пособие по безработице, на которое все оплатить не получалось. Здесь люди, которые живут на пособие или даже на минимальную зарплату, на съеме селятся гуртом. Надо было найти нормально оплачиваемую работу. Но кому я в Израиле нужна как редактор авангардного художественного русскоязычного журнала? И случайно выпала возможность пойти на курсы компьютерного дизайна. Конечно, курсы ивритоязычные, а я к тому времени только простые бытовые фразы на иврите понимала, но деться было некуда. Кроме того, мне вообще всё надо было с самого нуля начинать – запомнить хотя бы, как компьютер включается-выключается. При этом я считала, что мне повезло: курсы бесплатно – и меня приняли, хотя в моем возрасте на такую учебу берут только в виде исключения: пришлось поугоривать начальство. Даже наша учительница иврита туда звонила, рассказывала им, какая я способная... Вот я и пропадала все время то за учебниками, то на курсах, то за компьютером, а между делом – с мамой по врачам. Сначала даром оформляла всем желающим и презентации, и странички, и блоги – только просила, чтобы они меня своим знакомым рекомендовали. Сама рекламу давала, где можно и нельзя. Хваталась за любой платный заказ как за соломинку. Ночами сидела – какие там развлечения! А что мне было делать? Хорошо, что меня жизнь еще раньше приучила надеяться только на себя, иначе бы не выдержала. И Лёньчик ведь знал, как я

живу, когда ко мне переехал, но не попытался что-то изменить хотя бы в материальном плане. Слова насчет заботы остались словами. И предложение выйти замуж – тоже. Правда, когда мамы не стало, он рядом был, ничего не скажу. Конечно, чтобы все свои обещания выполнять, ему самому надо было бы много работать, а этого он делать не хотел. Да и не мог, если честно: на тяжелую физическую работу уже здоровья не хватало, а не на физической без иврита, который он так и не освоил, не обойтись. И в его годах кто возьмет?

Зазвенел мобильник, но Татьяна, не глядя, сбросила звонок.

– А как раз к моменту его ухода мне показалось, что все наладилось: заказы поступали уже практически без перерыва, я уже могла позволить себе роскошь отодвигать сроки и повышать стоимость, могла откладывать на поездки и без напряжения время от времени что-то подкидывать детям-внукам... Меня ведь все время совесть грызет, что я из-за своей работы и расстояний очень редко их вижу, а так от меня хоть какой-то толк... И к дому меня ничего не привязывало, кроме кота, но его кому-нибудь из девчонок можно было отдать на время – у них ведь дома с участками, приволье... Конечно, часто я ездить бы не смогла, потому что тогда заказчики рассосались бы, но хоть иногда... Как раз когда Лёничка уезжал, я подумала: ладно, едет со знакомыми, одно место в машине – пусть; но это последний раз, когда он будет без меня.

Женщина судорожно втянула воздух, как будто всхлипнула. Тала с тревогой вскинула голову, но Татьяна продолжила свой монолог совершенно ровным голосом.

– Дальше – звонок в пять утра... Ну, что я услышала, ты знаешь, не хочу повторять. Потом его сообщение об уходе – по телефону, при его даме, наверное, потому что он сам потом говорил, что она его ни на шаг от себя не отпускала. Не мог сообщить мне после возвращения, с глаза на глаз... А ведь объясняться лично все равно пришлось – не вернуться-то у него не получалось: вещи остались, документы... Знаешь, я тогда плохо соображала, но меня поразило, как он не хотел уходить.

– Так это ты его выгнала? – У Талы округлились и без того большие зеленые, в стреловидных ресницах глаза.

– Нет, сам ушел... В том-то и дело. Но он был как сумасшедший. Говорил – да, есть женщина, ухожу к ней. Говорил – ее с тобой и сравнить нельзя: ты красивее, умнее, а про характер я вообще молчу. Говорил – почему я тебя не увез сразу куда-нибудь, давай уедем с тобой куда угодно завтра, и черт с ним со всем! Да много чего говорил... Что-то насчет того, что любовь не умерла...

На балкон бесшумно просочился бревнообразный, очень пушной, на удивление «черепашковый» кот (обычно такой окрас бывает не у котов, а у кошек) и неожиданно изящно запрыгнул хозяйке на колени. Глянув в его сияющие изумрудные глаза, она призналась:

– Если бы я верила в привороты, точно бы решила, что здесь без магии не обошлось. Было впечатление, что его кто-то на веревке тянет, а он упирается, только сделать ничего не может. Но мне от этого было еще хуже. У меня хватило сил не просить его остаться. Правда, сказала: подумай хорошо. А он что-то в том смысле ответил, что уже поздно думать, но, может, он еще когда-нибудь ко мне вернется... Вот здесь уже я отрезала: «Нет, возврата не будет: еще одного ухода я не переживу».

– Так ты про курение начала, – напомнила Тала.

– Да... Когда он, наконец, съехал, я вообще дышать не могла. Вот вдыхаю воздух – а он не идет в легкие, горло закупоривает – и всё. Сердце болело без перерыва, даже в желудок отдавало, левая рука отнималась. В общем, если мне медики когда-нибудь скажут, что у меня был инфаркт, я не удивлюсь. И видела я почему-то только то, что было совсем рядом, а дальше – туман... Но я ни к каким врачам не обращалась: тогда мне было все равно, а потом уже смысла не имело – выжила же... Да и шевелиться я тогда почти не могла, не то что кого-то вызывать. Дочкам не говорила, как мне плохо, чтобы не переполошить. Они звонили, слышали, конечно, по голосу, что неважно, но кому в такой ситуации будет хорошо? Несколько дней не ела, наверное, – не помню. Глотать больно было, это точно. И единственно, что я делала, – это курила, потому что дым еще как-то в легкие проникал и немножко снимал спазм, хотя каждая затяжка, как будто молотком, била по голове. Потом начала понемногу есть – вернее, пить теплый чай, потому что проглотить что-то более существенное еще не могла, потом перешла к йогуртам, творогу, потом формально все вошло в свою колею. Очень помогло то, что телефон я не выключала – вдруг Лёничка что-то забыл, ему что-то понадобится, – и меня все время дергали заказчики. И я механически начала работать. Вот это меня и вытасило. Ну, и Тишку кормить надо было – поневоле встанешь.

Кот начал тихонько мурчать, подтверждая слова хозяйки.

– А курить я прекратила на годовщину его ухода. Сознательно. Дыхание к тому времени уже наладилось, конечно, хотя еще года на три я разучилась смеяться. Ты ведь помнишь, сколько Аркадич курил – и я за компанию. А теперь каждая сигарета о нем напоминала. Я и решила: хватит, я уже свое выкурила. Забыть, конечно, ничего не забуду, но жить только в воспоминаниях нельзя. А вытаскивать меня некому – как обычно, могу надеяться только на себя. Вот и бросила. И переехала из центра сюда, на юг. В Тель-Авиве каждая улица была с ним связана... Да и вообще – так от него подальше.

Тала с удивлением обнаружила, что сидела с крепко сжатыми кулаками. Медленно разжала ладони, на которых виднелись глубокие полукруглые следы ногтей.

– Давай еще выпьем! – предложила она.

Женщины молча чокнулись и, понемножку отпивая вино, посмотрели в ночь. Фонарей под балконом не было, и дом, стоявший на другой стороне двора, скрывался во мгле. Зато на его невидимом фасаде сияли окна, и казалось, что это «Летучий Голландец» с освещенными иллюминаторами плывет через ночь, покачиваясь на облаках и вечно стремясь к своей недосягаемой цели – огромной, светлой и загадочной луне...

На реверсе медали

– *Heeeeem!!!*

...Что это было? Почему так темно? В глазах – огненные круги. Боль толчками в голове. Ночь. Тишина. Пустота.

Спокойно. Я проснулся от своего крика. Резко встал и зажег свет – отсюда круги и боль. Кричал, потому что приснилось...

Сейчас выключу свет, лягу, закурю и вспомню. Зажигалку – на ощупь. Вот так. Пепельницу на грудь. Первая затяжка.

...Она опять говорит: «Уходи». И я понимаю: возврата не будет. Но я же сам этого хотел! Я нашел другую – громкую, жадную к удовольствиям, не успокоившуюся к своим шестидесяти пяти, дико ревнивую, с железной хваткой. Я таких хорошо знаю, умею с ними обращаться. Никаких неожиданностей. Лучше уйду к этой сам, чем Татьяна меня бросит.

Нет!!!

Да. Уже ничего не изменишь.

У меня никогда не было такой женщины. А тут случилось, когда не ждал. Мне-то уже под шестьдесят подкатило. Стечение обстоятельств... И поселились по соседству, и в одну группу в ульпане попали. Там больше баб собралось, чем мужиков, – как раз за счет одиночек. Но Татьяна сразу выделялась. Черт его знает чем. Ростом не вышла. Фигурка ладная, но как-то ее маловато. А мужчина не собака, на кости не бросается. Внешность неяркая, не то что у ее сестры, и нос курносый; правда, глазищи огромные. Разговаривает негромко, но сразу ясно: при ней матом нельзя. Никогда не опаздывает, ничего не забывает. Училка, в общем. Я как начал ее сразу полным именем называть – Татьяна, так и до сих пор называю. Не подходят ей уменьшительные. Я от таких фиф всегда подальше держался, но эта... Она ничего из себя не строила. И разговаривала сразу так, как будто каждый человек – хороший. Ясно, наивная, жизни не нюхала. И как она двоих детей вытянула, когда с мужем разошлась? Мне ее как-то даже жалко стало: такую каждый обмануть может! А ведь умная, училась лучше всех в группе – и всем помогала. И такая дуреха. Я себе сразу подумал: при мне никто ее не обидит. Правда, никто и не пытался. А когда я ее назвал, как всех симпатичных баб, «лапочка», она так глянула, что, помню, я даже засомневался насчет беззащитности. И еще я удивился, что она курит: выглядела слишком домашней, слишком правильной – и где научилась?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.